

Мотревич В. П.

г. Екатеринбург

**ИНОСТРАННЫЕ ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ
ПОИСКОВЫХ РАБОТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

В ходе Великой Отечественной войны согласно документам Генерального штаба частями Советской армии было пленено 4 377,3 тыс. иностранных военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных увеличилось еще на 639,6 тыс. человек. Кроме того, в целях пресечения террористических актов в тылу продвигающейся Советской армии были интернированы 208,2 тыс. человек, «годных к физическому труду и способных носить оружие», а также 61,6 тыс. арестованных функционеров низовых нацистских партийных и административных органов. В плен попали и более 200,0 тыс. граждан Советского Союза, принимавших участие в войне на стороне Германии и ее союзников [1]. К 1945 г. численность находящихся на территории Уральского региона военнопленных и интернированных достигала двухсот тысяч человек. Регион имел мощный промышленный потенциал и остро нуждался в дополнительной рабочей силе. В Челябинской области функционировал Потанинский лагерь № 68 в составе 9 лагерных отделений, рассчитанный на 20,0 тыс. человек, Челябинский лагерь № 102 (11 лаготделений), Кыштымский лагерь № 180 (5 лаготделений), Златоустовский лагерь № 337 (10 лагерных отделений), Оздоровительный лагерь № 443 и Магнитогорский лагерь № 527 (5 лаготделений). На территории Челябинской области был размещен и Ашанский лагерь № 130 в составе трех

отделений, который подчинялся УНКВД по БАССР. Кроме того, в 1945–1946 гг. по линии Наркомата обороны СССР на территории Челябинской области было создано 3 отдельные рабочие батальона для интернированных немцев (№№ 1083, 1651, 1652).

Согласно имеющимся документам в советских лагерях для военнопленных умерло более 580,0 тыс. человек [2]. Прибывший на Урал контингент также был ослаблен, условия пребывания военнопленных, особенно в первое время, были достаточно тяжелыми. В результате количество умерших на Урале только в 1944–1949 гг. иностранных граждан составило свыше тридцати тысяч человек. В Свердловской области умерли 14 306 человек, Курганской – 687, в Оренбургской – 6 138, в Пермской – 1 442, в Челябинской – 2 220, в Башкирии – 1 331 и в Удмуртии – 4 967 человек. Они были захоронены на 189 специальных кладбищах (3). В ходе предпринятой автором данной статьи обработки выявленных в центральных и местных архивах документальных материалов и поисковых работ в Курганской области удалось обнаружить три иностранных воинских кладбища, в Оренбургской – 19, в Пермской – также 19, в Свердловской – 93, в Челябинской области – 30 кладбищ. Имеются иностранные воинские захоронения и в уральских автономиях: 11 – в Башкирии и 14 – в Удмуртии. Количество кладбищ постепенно сокращается по направлению с запада на восток. В Кировской области, например, нами были обнаружены 24 иностранных воинских кладбища, в Пермской – 19, а в Тюменской – только два. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке картина меняется, что связано с преимущественным расположением там лагерей для военнопленных из состава японской армии.

В начальный период войны учет умерших пленными велся неудовлетворительно, несмотря на приказ НКВД СССР от 7 августа 1941 г. В нем была утверждена инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД», которая определяла порядок извещения о смерти пленными, их погребения и выдачи имущества умерших их родственникам. В соответствии с инструкцией смерть каждого пленного должна

быть удостоверена актом медосмотра. Сообщение о смерти должно направляться в Управление НКВД по делам о военнопленных и интернированных. Вместе с сообщением о смерти в Управление должны были высылаться копия истории болезни в двух экземплярах (на умерших в стационарах), акт о смерти, акт патологоанатомического вскрытия (если оно производилось) и акт о погребении. Патологоанатомического вскрытие трупов умерших в стационаре военнопленных должно было в обязательном порядке производиться в тех случаях, когда смерть произошла в первые 48 часов с момента госпитализации, а также тогда, когда лечащему врачу была не ясна причина смерти [1, с.25, 72, 162].

Для получения точных сведений об умерших 13 августа 1943 г. была издана директива НКВД СССР № 413 «О порядке учета умерших военнопленных». В ней утверждалась «Инструкция по оформлению документов персонального учета на умерших военнопленных в лагерях и госпиталях НКВД». Директивой предлагалось начальникам лагерей и госпиталей оформить персональный учет умерших за все время войны, с тем, чтобы учетные данные совпадали с их реальным количеством. Для этого по каждому умершему собиралась сведения, которые группировались в 10 различных списков. Например, список № 1 составлялся на умерших военнопленных, учетные дела которых представлены в Управление. Список должен был содержать следующие сведения: фамилия, имя и отчество, национальность, год рождения, воинское звание и номер учетного дела [1, с. 446—449]. Учитывая, что умерших в ряде лагерей и госпиталей иногда хоронили в случайных, не отведенных для этих целей местах, 24 августа 1944 г. вышла директива ГУПВИ НКВД СССР «О захоронениях военнопленных». Документом предусматривалось для захоронения умерших военнопленных отводить в непосредственной близости от лагеря или госпиталя специальные участки свободной земли. Участки должны быть огорожены колючей проволокой и разбиты на квадраты. В каждом квадрате должно быть 5 рядов могил по 5 могил в каждом ряду. В квадрате захоронения должны производиться,

начиная с верхнего ряда (если смотреть в плане) слева направо. При этом следует отметить, что на практике во многих лагерях, особенно «лесных», разбивку на квадраты не производили и кладбища не огораживали [4]. Этот содержащийся в отчетах ГУПВИ факт подтвердили результаты эксгумации останков военнопленных и интернированных, проводившихся нами в 1995–2006 гг. на территории Уральского региона.

На каждую могилу необходимо было установить опознавательный знак – прочный кол с прибитой к нему в верхней части дощечкой, лучше всего из фанеры. На ней должны быть указаны в числителе номер могилы, и в знаменателе номер квадрата. В ряде случаев на могиле устанавливали металлический стержень с приваренной к нему металлической табличкой. Такие стержни были установлены на кладбище лагеря № 102 в (г. Челябинск) и др. Писать фамилию и имя умерших запрещалось, однако это требование соблюдалось не всегда. В частности, проведенная в 1946 г. проверка состояния кладбищ военнопленных показала, что на дощечках, вместо номеров, указаны имена и фамилии захороненных на нем пленных. Для учета умерших военнопленных и мест их захоронений в каждом лагере или лагерном отделении заводили кладбищенские книги. В нее вносились следующие сведения: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дата смерти и дата захоронения, номер могилы и номер квадрата, в котором захоронен умерший. К кладбищенской книге прилагался план кладбища с разбивкой его на квадраты, с указанием номеров квадратов и номеров имеющихся могил. Дополнительно к этой книге и для оперативного поиска заводилась алфавитная книга. В нее на соответствующую букву заносилась фамилия и имя умершего и его порядковый номер, под которым он записан в кладбищенской книге. Кладбища должны быть защищены от того, чтобы на их территорию не проникал скот, и от того, чтобы эти знаки не растаскивались населением [1, с. 462–463].

Следует отметить, что данная директива на местах выполнялась далеко не всегда. Поэтому в целях проверки и контроля 7 декабря 1945 г. была издана директива ГУПВИ

НКВД СССР № 28/74 «Об учете умерших военнопленных». В ней отмечалось, что в ряде случаев розыск могил умерших становится невозможным, так как отведенные под кладбища участки не охраняются, опознавательные знаки на могилах не устанавливаются, кладбищенские книги ведутся небрежно, а акты о смерти зачастую не содержат даже причин, вызвавших смерть военнопленного. Для проверки соблюдения порядка захоронения умерших военнопленных создавались специальные комиссии из состава оперативных работников НКВД–УНКВД. Этим комиссиям поручалось на местах проверить порядок захоронений и состояние учета умерших. Директивой запрещалось захоронение трупов в общие могилы и безнательного белья. Умерших офицеров необходимо было хоронить в белье и в верхней одежде [1, с. 479–480; 5].

Обнаруженные в ходе поисковых работ места захоронения военнопленных и интернированных различаются по своим размерам. Они бывают от одиночных могил до крупных кладбищ, на каждом из которых было захоронено несколько тысяч человек. Однако большинство кладбищ военнопленных на Урале – средние по своим размерам. На них захоронено от 20 до 100 человек. На кладбищах имеются как индивидуальные, так и братские могилы. Братские захоронения характерны для военных лет, индивидуальные – для послевоенных, когда смертность в лагерях резко сократилась. Были, разумеется, и исключения.

Погребению умерших военнопленных из состава Квантунской армии была посвящена специальная директива НКВД СССР № 201 от 14 ноября 1945 г. «О порядке погребения трупов военнопленных японцев». В ней отмечалось, что в связи с тем, что по национальному обычаю японцев трупы умерших подвергаются кремации, из отдельных областей поступили запросы о порядке погребения трупов военнопленных японцев. В директиве разъяснялось, что захоронение трупов военнопленных японцев производить путем предания земле в соответствии с приказом НКВД № 001067 от 7 августа 1941 г. В смешанных лагерях, где содержались военнопленные германской и японской армий, захоронение умерших японцев

требовалось производить отдельно, выделив для этого специальные участки [1, с. 447, 462–463]. Данная директива на местах, как правило, выполнялась.

В послевоенные годы МВД СССР принимает ряд директив и распоряжений о мероприятиях по снижению заболеваемости и смертности в лагерях для пленных и интернированных, упорядочению учета умерших и содержанию мест их захоронения. Так, специальным распоряжением МВД СССР № 597 от 17 сентября 1947 г. министрам внутренних дел республик и начальникам УВМД по краям и областям СССР предлагалось осенью 1947 г. проверить состояние всех кладбищ, где производилось захоронение умерших военнопленных и интернированных. При отсутствии ограждений на кладбищах или отсутствии опознавательных знаков, а также при разрушенных холмиках самих могил принять срочные меры для устранения всех выявленных нарушений. Необходимо было проверить наличие на кладбища карт – схем захоронений, а также документов местных органов власти на занятие земельных участков. В случае отсутствия разрешения советских органов на занятие земельных участков требовалось добиться от них официального разрешения. В распоряжении указывалось, что данная работа проводится в связи с возможностью посещения кладбищ представителями иностранных посольств и общественных организаций [8].

В конце 1940-х гг. в связи с приближением сроков окончания репатриации, распоряжением МВД СССР № 324 от 24 мая 1949 г. кладбища военнопленных и интернированных передавались для осуществления надзора местным органам МВД. Начальники управлений лагерей МВД, лагерных отделений, спецгоспиталей и командиры рабочих батальонов должны были привести все кладбища в надлежащий порядок. Для этого необходимо было поправить ограды, опознавательные знаки, надгробные холмики и т.д. Тем не менее, несмотря на приведенные факты, на протяжении послевоенных лет, а часто и в 1960–1970-х гг. некоторые кладбища военнопленных и интернированных находились на балансе местных Советов и надзором органов МВД. Сохранились многочисленные справки

и акты их осмотров с описанием состояния захоронений на дату проверки. Имеются и материалы хозяйственных служб на местах, которые отвечали за содержание данных захоронений. Среди них сохранились отчеты о состоянии данных кладбищ и затратах на их содержание [1, с. 528; 11, л. 3–21].

Таким образом, после ликвидации лагеря, спецгоспиталя или отдельного рабочего батальона его администрация передавала кладбище под надзор местных органов власти, о чем составлялся соответствующий акт. Документация по захоронениям должна была передаваться на хранение в архивы УМВД на правах совершенно секретной документации. Органы УМВД не должны были допускать занятие кладбищ военнопленных под посевы или строительство без специальной санкции МВД СССР [1, с. 528].

Представляется, однако, что данное распоряжение было издано слишком поздно. В предыдущие годы, несмотря на многочисленные директивы, контроль за состоянием кладбищ военнопленных часто фактически не осуществлялся. В результате к этому времени многие кладбища были разрушены и перестали существовать. Поэтому к концу 1950-х г. в СССР осталось немного кладбищ военнопленных, за которыми был организован надлежащих уход и которые можно было показать иностранцам. Поэтому на просьбу руководства ГДР о передаче ему списка находящихся на территории Советского Союза кладбищ германских граждан МВД СССР было готово предоставить информацию лишь о 50 кладбищах, на которых покоились останки около 30 тыс. немцев. Примерно также обстояло и с кладбищами, на которых были захоронены японцы [1, с. 529, 530]. Таким образом, в 1940-е гг. органам НКВД СССР удалось не только обеспечить детальный учет содержащихся в лагерях для военнопленных людей, но и подробно регламентировать порядок захоронения умерших иностранных граждан. Учет умерших военнопленных и интернированных был налажен значительно лучше, чем граждан собственного государства.

Проблема иностранных воинских захоронений на территории нашей страны новая и практически неизученная.

Только в 1990-е гг. в условиях ослабления международной напряженности, усилившейся тенденции к примирению воевавших в годы Второй мировой войны народов и облегчению доступа к закрытым ранее фондам и целым архивам стали возможными научная разработка данной тематики и практическое использование полученных данных. В результате историография проблемы невелика. Среди опубликованных работ в первую очередь следует отметить монографии В.П. Галицкого, В.Б. Конасова и австрийского ученого С. Карнера, содержащие некоторые материалы по данной проблеме. Одновременно начинают издаваться и специальные работы, в которых исследуются вопросы численности и дислокации иностранных воинских захоронений периода Второй мировой войны на территории России, степень их сохранности и современное состояние. Выходят первые журналистские статьи, а затем и научные публикации и в Челябинской области [7]. Однако число их весьма невелико, что придает новизну и актуальность данной исследовательской проблематике.

На протяжении 1950–1980-х гг. статус иностранных воинских захоронений на территории нашей страны был достаточно неопределенным и регламентировался только положениями Женевской конвенции 1949 г. В соответствии с конвенцией подписавшие ее страны, в том числе и СССР, обязывались обеспечить сохранность и уход за находившимися на их территории воинскими захоронениями. Однако сложившаяся ситуация отнюдь не способствовала улучшению взаимопонимания с данными государствами, что стало особенно заметно на рубеже 1980–1990-х гг. Весьма настойчиво требовали информацию о состоянии мест захоронений и десятки тысячи граждан многих иностранных государств, чьи родственники погибли в России. В результате Советский Союз, а впоследствии Российская Федерация, подписали со всеми этими странами соглашения о статусе воинских захоронений. Так, 18 апреля 1991 г. было заключено соглашение с Японией, 23 апреля 1991 г. – с Итальянской Республикой, 11 июля 1992 г. – с Финляндской Республикой, 16 декабря 1992 г. – с ФРГ, 13

февраля 1995 г. – со Словацкой Республикой, 6 марта 1995 г. – с Венгерской Республикой, 10 ноября 2006 г. – с Румынией [8, с. 31–32].

В соответствии с соглашением с Японией наша страна обязалась предоставить им списки умерших в СССР японцев и сведения о дислокации мест их захоронений, содержать эти места в надлежащем порядке и оказывать содействие в установке памятных знаков и посещении кладбищ. В свою очередь Япония обязалась, в случае необходимости, эксгумировать и отправлять на родину останки японских военнослужащих, а также содержать в надлежащем порядке российские захоронения на территории своей страны. Согласно соглашению с Италией наша страна обязалась предоставить информацию о захоронениях военнослужащих итальянской армии на территории Советского Союза и освободить от таможенных пошлин материалы, ввозимые для обустройства захоронений. В свою очередь Итальянская Республика обязалась предоставлять нашей стране информацию о советских воинских захоронениях в Италии, обеспечить за свой счет установку памятных знаков и уход за ними на советских воинских захоронениях в Италии и итальянских захоронениях в Советском Союзе. В соответствии с соглашениями с Германией, Словакией и Венгрией российская сторона обязалась безвозмездно предоставить им земельные участки под воинские захоронения, обеспечить их сохранность и освободить от таможенных пошлин. В свою очередь данные государства обязались обеспечить сохранность российских военных могил на своей территории и взяли на себя расходы по благоустройству своих военных кладбищ в России [8, с. 31–32]. Таким образом, в соответствии с данными соглашениями российская сторона обязывалась предоставить зарубежным партнерам информацию о нахождении и состоянии захоронений военнослужащих их армий, а также оказывать необходимое содействие в проведении благоустроительных работ.

В 1996 г. начались работы и по выявлению кладбищ военнопленных Второй мировой войны и на территории Челябинской области. 18 июня 1996 г. было принято

постановление Главы администрации Челябинской области В.П. Соловьева № 350 «О создании попечительского совета по работе со старыми военными и ранее неизвестными захоронениями». В состав совета вошли несколько чиновников областной администрации, председателем был назначен заместитель директора ЗАО «Лари». Однако данный совет оказался чисто формальным образованием, практической работой по выявлению, выведению из хозяйственного использования, обеспечению сохранности и благоустройству совет не занимался. Поэтому всю деятельность по данным направлениям на территории Челябинской области довелось осуществлять автору данной публикации.

На следующий год, уже после завершения всех поисковых работ, было принято постановление Главы администрации Челябинской области П. И. Сумина от 14. 05. 1997 г. «О мерах по реализации постановления Правительства Российской Федерации об обеспечении сохранности и порядка содержания иностранных воинских захоронений на территории Челябинской области». Согласно пункту пятому данного постановления выполнение всех работ, связанных с благоустройством, восстановлением, перезахоронением, охраной иностранных воинских захоронений, поручалось фонду социальной защиты военнослужащих «Гарантия». Следует при этом отметить, что данный фонд также даже не приступил к осуществлению возложенных на него областным правительством функций. Таким образом, в первой половине 1990-х гг. как в центре, так и отдельных регионах страны постепенно формируется нормативная база. Это позволило в середине 1990-х гг. приступить к поиску и благоустройству иностранных воинских захоронений в нашей стране. Однако, поскольку основная часть документальных данных о захоронении военнопленных была сосредоточена в Москве и носила гриф «секретно», местные власти часто и не подозревали о существовании на их территории иностранных воинских кладбищ. Так, в справке от 11. 03. 1996 г., направленной председателем Комитета по делам архивов Администрации Челябинской области С.И. Загребиным на имя Главы областной администрации сообщалось, что на

территории Челябинской области насчитывается всего три кладбища иностранных военнопленных.

Обзор сохранившихся материалов по исследуемой проблеме показывает, что, несмотря на их распыленность по различным архивохранилищам страны, они дают возможность комплексно исследовать целый круг проблем, связанных с пребыванием на территории отдельных регионов России военнопленных второй мировой войны и интернированных иностранных граждан. Массив сохранившихся источников также позволяет и спустя много лет после закрытия иностранных воинских захоронений проводить поисковые работы по выявлению их на местности.

Захоронения военнопленных и интернированных различаются по своим размерам – от одиночных могил до крупных кладбищ в городах Верхний Уфалей, Кыштым, Копейск, Магнитогорск, Миасс, Челябинск. Проведенное нами на протяжении 1990-х гг. сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории областей Уральского региона и прилегающих к ним территорий показало, что и спустя 55 лет после окончания Второй мировой войны, 3/4 кладбищ в той или иной степени сохранились. Причин этого несколько. Во-первых, Урал - это тыловой район, здесь не было военных действий, оккупации, в результате отношение к военнопленным и их могилам здесь было иным, чем на западе страны. Во-вторых, следует учитывать состав населения края, источники его формирования, поскольку немалую часть жителей региона составляли люди, сами пострадавшие от существовавшего режима и находившиеся на Урале в ссылке или заключении. В-третьих, из-за меньшей, по сравнению с более освоенными западными районами, плотности населения на Урале многие захоронения просто не оказались в зоне хозяйственной деятельности.

Примерно такая же картина наблюдается и в Челябинской области. При этом следует отметить, что факт сохранности означает, что данное захоронение не оказалось в зоне хозяйственной деятельности и даже в случае отсутствия могильных холмиков после уточнения границ захоронения его

можно восстановить. Уход за данными кладбищами местными властями, как правило, не осуществлялся. Единственным исключением оказался участок захоронения 93 военнопленных на территории разрушенного гражданского кладбища Тракторозаводского района в Челябинске. В начале 1950-х гг. за счет городского бюджета место захоронения военнопленных было приведено в порядок, и уход за ним осуществлял городской трест похоронного обслуживания.

Таким образом, это было единственное из иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны на территории Челябинской области, которое содержалось в порядке. Следует отметить, что в относительном порядке содержался и участок захоронения иностранных военнопленных в Копейске, расположенный в центре действующего гражданского кладбища. Обследование всех 30 расположенных на территории Челябинской области иностранных воинских захоронений показало, что некоторые из них можно благоустроить. Среди них – места захоронения военнопленных в Аше (район Липовой горы), Коркино (район 30-ой шахты и пос. Розы Люксембург), Копейске (район шахты «Центральная», Кыштыме (пос. Каолиновый), Миньяре (Сулимовское кладбище), Челябинске (кладбище Тракторозаводского района и район отвалов ЧМЗ), Миассе (ул. Солнечная), а также место захоронения военнопленных в пос. Магнитный Кусинского района.

Однако многие иностранные кладбища в Челябинской области не сохранились, и в первую очередь те, которые находились в городской черте крупных промышленных центров. Среди них – иностранные воинские кладбища в Верхнем Уфалее (в настоящее время на месте кладбища расположены частные дома поселка Никелевого завода), Еманжелинске (на месте кладбища находится дачный поселок), Карабаше (на месте захоронения – гаражный кооператив), Магнитогорске (завод «Оренбургсантехмонтаж»), Сатке (отвалы отработанной породы), Челябинске (гражданское кладбище в районе КПЗИС, а также участки захоронения военнопленных на Лесном, Смолинском и Фатеевском гражданских кладбищах).

Бурный рост городов в послевоенные годы привел к новой застройке, под которую попали и отечественные, и иностранные кладбища.

В 1993 г. в соответствии с межправительственным соглашением с Германией в России началось благоустройство иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны [8, с. 61–63]. В Челябинской области германской стороной было восстановлено иностранное воинское кладбище в г. Пласте. В последующие годы по венгерской программе были благоустроены два кладбища в г. Магнитогорске. Кроме того, на местах захоронения военнослужащих венгерской армии были установлены 11 памятных знаков. Памятные знаки установлены в городах Аша, Верхний Уфалей, Кыштым, Миасс, Пласт, Сатка, а также в деревне Ново-Шалашово Ашанского района. Памятные знаки установлены и в Челябинске: в поселках КПЗИС и Митрофановский, а также Металлургическом и Тракторозаводском районах.

В целом представляется, что выявление, благоустройство и обеспечение сохранности иностранных военных могил в России имеет важное политическое и гуманистическое значение. Восстановление иностранных воинских захоронений (проводимое к тому же за счет заинтересованных государств), позволит многим семьям из Австрии, Венгрии, Германии, Италии, Финляндии и других стран посещать, как это принято в цивилизованных странах, могилы своих близких. Это будет способствовать укреплению доверия между государствами и их народами, облегчит налаживание отношений в различных сферах, обеспечит сохранность советских военных могил в Европе.

Примечания:

1. Военнопленные в СССР, 1939 – 1956. Док. и материалы. – М., 2000.
2. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941 – 1945 гг.) / В. П. Галицкий // Военно— исторический журнал. 1990. № 9.
3. РГВА. Ф. 1 а. Оп. 1 е. Д. 96. Л. 32–34.
4. РГВА. Ф. 1 е. Оп. 15. Д. 341. Л. 26.

5. РГВА. Ф. 1 и/п. Оп. 05 е. Д. 1933. Л.2–9; Д. 1935. Л. 26–27. Д. 1935. Л. 2.

6. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1905. Л. 3–21.

7. *Мотревич В. П.* К вопросу о захоронениях военнопленных Второй мировой войны на территории Челябинской области / В.П. Мотревич // Двенадцатые Бирюковские чтения. Тезисы науч.-практич. конф. – Челябинск: ЧГУ, 1996; *Живолук А.* Позолоченная виселица или осиновый кол? / А. Живолук // Кыштымский рабочий. 1996. 17 авг.; *Блиновских С.* Похороненные кладбища / С. Блиновских // Вечерний Челябинск. 1998. 2 июля; *Еремин В.* В России «солдаты рейха» проклинали войну/В.Ерёмин // Челябинский рабочий. 2000. 8 дек.; *Боже Н.М.* Военнопленных труд / Н.М. Боже // Челябинск: Энциклопедия. – Челябинск, 2001. С. 153; *Баканов В.* Военнопленные / В.Баканов // Магнитогорск. Краткая энциклопедия. – Магнитогорск. 2002.

8. Бюллетень международных договоров. – 1996. – № . –12.